

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Ананьев Б. Г. К изучению возрастных особенностей взрослых людей // Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М., 1972.
- Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности. СПб., 2007.
- Ананьев Б. Г., Дворяшина М. Д., Кудрявцева Н. А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., 1968.
- Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
- Интеллектуальный потенциал человека: проблемы развития. СПб., 2003.
- Онтопсихология: Учебное пособие / Под ред. А. А. Крылова, Е. Ф. Рыбалко. СПб., 2003.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей (средняя взрослость) / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1977.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей / Под ред. Б. Г. Ананьева, Е. И. Степановой. М., 1972.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
- Lehman H. C. Age and Achievement. Princeton, New Jersey, 1953.

БЛУЖДЕНИЕ В ТРЕХ СОСНАХ, ИЛИ ТОСКА ПО ЛИЧНОСТИ

В. П. Зинченко

Психология, несомненно, относится к циклу наук о человеке, хотя слово «человек» в психологических текстах встречается нечасто. Особенно в сравнении со словами «субъект», «индивид», «личность». В этом нет большой беды, когда слова употребляются на своем месте, в уместном контексте, что, к сожалению, бывает далеко не всегда. В последние десятилетия из вышеобозначенной триады на первый план выходит слово «субъект», а слова «индивид» и «личность», «Я» оказываются в его тени. Возможно, ощущая некоторый когнитивный диссонанс, ряд авторов, не определяя члены пар или триад, образуют из них синкреты, якобы проясняющие предмет их размышлений или исследований. Подобных словосочетаний множество: «личностный субъект», «субъектность личности», «мультисубъектность личности», «личность – атрибут субъекта», «личность индивида», «индивидуальность личности как субъекта» жизни, познания, чувства и т. п. На этом фоне значительно понятнее звучат, видимо, не без иронии и шарма предложенные термины: В. С. Библер – «многояйность», М. Пруст – «роистое Я», В. А. Петровский – «единомножие Я». Мне трудно судить о мотивах образования подобных странных синкретов. Может быть причиной является опять-таки осязаемая авторами несамодостаточность каждого отдельного члена этой триады. Чтобы ее компенсировать, идут не по трудному пути превращения слова в понятие, а по пути как бы разъясняющего дополнения одного слова другим. Второй путь, на мой взгляд, лишь затрудняет понимание, так как за каждым членом триады тянется шлейф его культурных значений и смыслов, скрытых во внутренней форме соответствующего слова. Не претендуя на ее исчерпывающее раскрытие, попытаюсь выразить свое отношение к подобным синкретам и свое видение взаимоотношений между реальностями, скрытыми за терминами «субъект», «индивид», «личность». При этом я буду опираться на более ранние культурные традиции их понимания и использования.

Начну с заимствованного из философии понятия «субъект». В философии оно вполне содержательно и дифференцировано: эмпирический, конкретный, индивидуальный, коллективный, синергетический, общественный, этический, эстетический, трансцендентальный, абсолютный и даже X-субъект. Психологи используют это понятие как нечто само собой разумеющееся, не раскрывая его содержания. Слово сочетания «личностный субъект», «субъектность личности» не безобидны. Их принятие, конечно, существенно облегчает работу психолога, поскольку деиндивидуализирует и обезличивает личность, освобождает его от работы с реальным человеком, заменяет ее игрой со словами «субъект» и «личность». Спору нет – индивидуальность сложна, уникальна, неповторима, а субъект прост, он знак того, что, например, такие акты как познание, чувство, воля не витают в воздухе, а к чему-то (кому-то?) привязаны. Раньше они признавались атрибутами души, а потом, когда от нее отказались, их приписали в качестве функций неопределенному психологическому субъекту. Это произошло не вчера и даже не позавчера. В 1922 г. Г. Шпет в контексте размышлений о соответствии логических и онтологических форм слова язвительно писал, что учителям грамматики не до шуток, «когда из под масок логических и грамматических субъектов начнут вылезать рогатые рожи еще и психологических субъектов, которых здоровые и трезвые люди никогда и не видели, ни во сне, ни наяву. Психологический субъект без вида на жительство и без физиологического организма есть просто выходец из неизвестного нам света, где субъекты не живут и физиологических функций не отправляют. Психологического в таком субъекте – одно наваждение и стоит его принять за всамделишного, он непременно втащит за собой еще большее диво – психологическое сказуемое!» (Шпет, 1989, с. 401). Предваряя дальнейшее, скажу, что злоупотребление словом «субъект» в психологическом контексте говорит о нечувствительности к языку. Бессовестный, бездушный субъект – это отвратительно, но, к сожалению, привычно. А совестливый, душевный, одухотворенный субъект – смешно и грустно. Даже «умный субъект» звучит издевательски. Не уверен, читали ли классики отечественной психологии С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, А. Н. Леонтьев, В. С. Мерлин, В. Д. Небылицын «Эстетические фрагменты» Г. Г. Шпета, откуда взята эта выписка. Но они не злоупотребляли понятием «субъект» за пределами философской субъект-объектной парадигмы. В психологическом же контексте им достаточно было пары «индивид–личность», или – другой триады; «организм–индивид–личность».

Поскольку положение о субъектности психики, личности приписывается (или «вчитывается») С. Л. Рубинштейну, с него и начну. В фундаментальном, изданном 70 лет тому назад и поныне лучшим в нашей стране учебнике «Основы общей психологии» Рубинштейна термин «субъект» встречается крайне редко, да и то в сочетании со словом «индивид». Учебник начинается с разговора о том, что пси-

хология изучает наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания. Принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту – первая характерная особенность всего психического (Рубинштейн, 1989, т. 1, с. 12). Далее о субъекте забывается и речь идет уже об индивиде и человеке. С. Л. Рубинштейн человеческими словами писал и о задачах изучения психологии человеческой деятельности. Он предупреждал, что нельзя «отождествлять деятельность человека в подлинном специфическом смысле этого слова с активностью субъекта вообще» (там же, с. 206). На следующей странице автор не чурается слова «субъект», но вновь в паре с «индивидом»: «всякое действие и всякая деятельность предполагают действующего индивида, субъекта этой деятельности. Сам этот субъект и его психологические свойства проявляются и формируются в деятельности. От изучения психологии деятельности мы переходим к изучению психологических свойств личности» (там же, с. 207), а вовсе не субъекта.

Важен общий вывод: «В итоге система психологии включает, помимо общего учения о психике, о сознании и самосознании, учение: 1) о психофизических функциях, 2) о психических процессах, 3) о психическом строении деятельности, 4) о психических свойствах личности» (там же). Когда Рубинштейн ведет разговор о личности, он совершенно недвусмысленно указывает на зависимость психических процессов от личности как индивидуальности, на то, что они протекают в личности, что они суть проявления личности, что вся психология (в его трактовке) есть психология личности (Рубинштейн, 1989, т. 2, с. 95–96).

Таким образом, мы смело можем назвать концепцию «Основ общей психологии» Рубинштейна (по крайней мере, в ее замысле) личностно ориентированной, а вовсе не ориентированной на субъекта. То же можно сказать о философской психологии Рубинштейна, которая наиболее ярко выражена в его книгах «Бытие и сознание» и «Человек и мир». В первой книге понятие «субъект» встречается лишь в контексте философской парадигмы «субъект – объект». Во второй есть небольшой специальный раздел «Человек как субъект жизни». Но и здесь автор не отпускает «субъекта» в самостоятельное плавание, а лишь в паре с «человеком». Понятие «субъект» понадобилось Рубинштейну в контексте описания особого способа жизни, «когда возникает необходимость создания концепции жизни субъекта, человека, из которой уже вытекало бы естественное, закономерное такое или иное отношение к жизни и смерти» (Рубинштейн, 1957, с. 352). В целом и философская психология, развивавшаяся С. Л. Рубинштейном, не субъектоцентрированная, а человекоцентрированная. Обсуждая теоретические вопросы психологии и проблему личности, Рубинштейн недвусмысленно говорил о том, что понятие личности не может быть сведено к понятию субъекта даже в узком специфическом смысле слова – в смысле «Я» (Рубинштейн, 1973, с. 246). Автор, конечно, связывает личность

и индивида, но при этом подчеркивает, что индивидуальные свойства личности – это не то же, что личностная свобода индивида, то есть свойства, характеризующие его как личность (там же, с. 243). Таким образом, Рубинштейн еще больше отдаляет «личность» от «субъекта».

Замечу, что пары «индивид, субъект», «человек, субъект», «личность, субъект» у С.Л. Рубинштейна встречаются, хотя и редко. Поэтому для меня остаются загадочными ссылки на С.Л. Рубинштейна в связи с приведенными выше лингвистическими монстрами: «субъектность личности», «личностный субъект». Не нашел я оснований и для приписывания ему «субъектно-деятельностной теории». Он, действительно, рассматривал субъекта в качестве «внутреннего условия деятельности», но сама деятельность при этом характеризовалась как человеческая или психическая. С.Л. Рубинштейн специально подчеркивает философский, а не психологический смысл используемого им понятия «субъект»: «Должен быть поставлен еще один вопрос: кто субъект сущностных определений сущего, субъект мыслящего сознания. В этом субъекте погашена *индивидуальная особенность* (курсив мой. – В.З.) того или иного „Я“; он – „Я“ вообще в его всеобщности, по отношению к которому единичные „Я“ – это переменные, которые вставляются в общую формулу. В нее может быть вставлено любое „Я“ (как это, так и то, как мое, так и другое), но нельзя не подставить никакого» (Рубинштейн, 1973, с. 338–339). Не это ли погашение индивидуальности, ее опустошение привлекает апологетов «субъектоцентрированного» подхода? Можно вовсе не задумываться, в отличие от С.Л. Рубинштейна, что понимать под «Я», «другой», «мы», «индивид», «личность». Достаточно и того, что все они – «субъекты», которые выполняют некие функции и нечто репрезентируют, а большего от них и не требуется. Здесь я не стану излагать философские размышления о сознании «без собственника», о «ничьем сознании» в трактовке В.С. Соловьева, Г.Г. Шпета, как и идеи о «сфере сознания» М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, в которой тоже нет места трансцендентальному субъекту. Психологию все же волнуют проблемы индивидуального и личного сознания.

Пожалуй, решающим аргументом против приписывания С.Л. Рубинштейну любых версий «субъектоцентрированной» психологии является именно его последняя книга «Человек и мир», в которой он практически отказался от субъект-объектной парадигмы. Оппозиция «человек–мир» более психологична (и человечна) по сравнению с оппозицией «субъект–объект», что превосходно показано А.С. Арсеньевым в его давних публикациях в журнале «Вопросы философии» и в его книге, посвященной пониманию личности. В ней автор так характеризует позицию С.Л. Рубинштейна: «Человек для него не гносеологический субъект, а онтологическая реальность, определяющаяся в своем бесконечном отношении к миру не только бесконечным будущим, но в индивидуальной, личностной форме несущая эту бесконечность,

а следовательно, и источник нравственности непосредственно и актуально „здесь и теперь“. И именно эта актуальность распахивает перед ним непосредственно (то есть минуя все опосредующие звенья, все случайное и преходящее) бесконечное богатство, полноту и мудрость человека и мира в их целостности и уникальной неповторимости каждого момента жизни» (Арсеньев, 2001, с. 293). Значение непосредственной презентации мира для человеческой жизни и деятельности – это сюжет Э. Гуссерля, Г.Г. Шпета, М. Хайдеггера, А.С. Арсеньева, В.В. Библихина, который они, каждый по-своему, освещали. Не прошел мимо него и С.Л. Рубинштейн. Продолжение этого должно сыграть важную роль для развития психологии (Зинченко, 2009).

Обратимся к Б.М. Теплову – Мастеру изучения индивидуальности. В его тезаурусе вообще отсутствует термин «субъект». Не слишком часто встречается и слово «личность». Хотя Б.М. Теплов сетовал на то, что недостаточная разработанность психологии личности мешает изучению психологии индивидуальности, сам он не спешил восполнить этот пробел. Он не был тороплив и считал, что и на пути к пониманию личности нельзя избежать изучения индивидуальности, «применение к жизни общих психологических закономерностей всегда должно опосредствоваться знанием индивидуальных различий. Без этого общие психологические закономерности становятся столь абстрактными, что их практическая ценность становится сомнительной. Резкое отставание научной разработки вопросов индивидуальных различий, по глубокому убеждению автора, мешает психологии завоевать себе прочное признание как науки, действительно необходимой для всех тех областей практики, которые имеют дело с психической деятельностью людей» (Теплов, 1961, с. 5). Эти слова, написанные около полувека тому назад, справедливы и сегодня. Анализ индивидуальности, ее способностей и одаренности приводил Б.М. Теплова к размышлениям о таких свойствах личности, как узость или широта ее направленности («одновершинная» и «двухвершинная» личность). Он писал о «многосторонности таланта», о сложности и широте одаренности того или иного лица, о наличии некоторых общих моментов одаренности, имеющих значение для разных видов деятельности.

Вместе с тем, Б.М. Теплов и вся его научная школа чрезвычайно осторожно подходили к вопросу о возможном соответствии индивидуальных вариаций некоторых физиологических функций индивидуальной динамике психической деятельности. Ученик и сотрудник Б.М. Теплова В.Д. Небылицын, завершая книгу, посвященную изучению индивидуально-типологических свойств нервной системы, писал о том, что еще только предстоит сделать решающий шаг «в сторону создания унитарной теории природных факторов личности, объясняющей все неисчислимо многообразие индивидуальных картин поведения с его динамической стороны» (Небылицын, 1966, с. 348). Более близким он считал решение перевода проблемы свойств нервной сис-

темы в ее индивидуально-поведенческом выражении в план проблемы факторов оперативной надежности человека, сталкивающегося с экстремальной ситуацией и решающего в условиях значительной напряженности достаточно сложные и ответственные задачи (там же, с. 349). В обыденных ситуациях, по мнению В. Д. Небылицына, прямое проявление свойств нервной системы в динамике поведения является, скорее, исключением, чем правилом. Динамическая сторона (темп и интенсивность) человеческих реакций и поступков в значительно большей степени обусловлена воспитательными влияниями и регулируемыми воздействиями социального окружения. Между прочим, С. Л. Рубинштейн более оптимистически оценивал возможность включения типологических свойств нервной системы в качестве компонента внутренних условий поведения личности.

В. С. Мерлин начинал свою программу исследований интегральной индивидуальности с экспериментальной психологии личности. Он использовал понятие «субъект трудовой деятельности», но предпочитал ему понятие А. Д. Лазурского «активный деятель». В определении предмета психологии личности, предложенном Мерлиным, слово «субъект» отсутствует: «Психология личности изучает систему таких психических свойств, которые определяются активными высокообобщенными, относительно-устойчивыми отношениями и постоянными отношениями личности к объективным сторонам деятельности. Это свойства, проявляемые в общественно-значимых действиях и поступках, имеющие положительную или отрицательную социально-нравственную ценность, характеризующие социальный тип сознания и его индивидуальное своеобразие» (Мерлин, 1996, с. 245). Позднее ученый постепенно расширял предмет психологии личности, включал в него особенности индивидуальности и стиля ее деятельности, особенно подчеркивал влияние на личность свойств темперамента. От него «досталось» С. Л. Рубинштейну и А. Н. Леонтьеву за то, что они в своих спорах о том, действует ли «внешнее через внутренние условия» или «внутреннее через внешние», оба игнорировали индивидуальный стиль деятельности. (На самом деле более важно, как действует внутреннее вопреки внешним обстоятельствам. Правда, в этом случае оно перестает быть внутренним и неминуемо становится внешним.) В. С. Мерлин упреждал также Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына за то, что они в своих размышлениях о личности игнорировали темперамент. Но они не столько игнорировали, сколько проявляли научную осторожность, понимая, что такая популярная психологическая категория, как темперамент, имеет достаточно путаную структуру, с его основными типами и вариациями. Они воздерживались также от установления сколько-нибудь прямых связей между типами нервной системы и одаренностью и способностями человека. Впрочем, это не мешало Б. М. Теплову глубоко анализировать музыкальные способности, ум и личность полководцев, противоречия в личности Сальери и т. д.

Интересно обсуждаемая триада выступает у А. Н. Леонтьева. В своем самосознании он был создателем марксистской психологии (которую, по словам Б. М. Теплова, вообще нельзя создать) и, разумеется, не мог обойтись без понятия «субъект». Однако он использовал это слово вполне двусмысленно. Вначале субъект выступает в его работах как субъект деятельности. Вместе с тем, «до выяснения важнейших моментов, образующих процесс деятельности, субъект остается как бы за пределами исследования» (Леонтьев, 1983, т. 2, с. 186). Это положение похоже на «погашенную в субъекте индивидуальность», о чем писал С. Л. Рубинштейн. Другими словами, субъект, с психологической точки зрения, остается пустым. Лишь выяснение «моментов» процесса деятельности «приводит к необходимости ввести понятие о конкретном субъекте, о личности, как о внутреннем моменте деятельности. Категория деятельности открывается теперь в своей действительной полноте, в качестве объемлющей оба полюса – и полюс объекта, и полюс субъекта» (там же). Не является ли инкапсуляция то ли субъекта, то ли личности в деятельность в качестве ее внутреннего момента (А. Н. Леонтьев) или даже как воедино связанной совокупности внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия (С. Л. Рубинштейн), печальной данью эпохе, в которую Леонтьеву и Рубинштейну выпало жить и творить? Ведь это делает личность незримой, чего требовало то время. Эпохе нужна была не личность, а «новый человек». Не осуждая названных ученых, приведу другой взгляд: «Человек живет, пока есть у него внешность. И личность есть внешность. Проблема бессмертия была бы разрешена, если бы была разрешена проблема бессмертного овнешнения» (Шпет, 2007, с. 191). Справедливости ради следует сказать, что С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович говорили, что путь к личности лежит через поступок. Г. Г. Шпет характеризовал поступок как «текст» в отношении к «контексту» личности. Об этом приходится говорить, так как от понимания субъекта и личности лишь как внутренних моментов или условий деятельности не далеко и до утверждения Г. П. Щедровицкого о «бессубъектности деятельности». Впрочем, такой ее анализ имеет право на существование, как и анализ бессубъектной сферы сознания.

Поскольку А. Н. Леонтьев размышлял в границах субъект-объектной парадигмы, без понятия «субъект» действительно трудно обойтись. Однако, наполнить «конкретного субъекта» конкретным же содержанием, не поставив его рядом с личностью, еще труднее. Надо сказать, к чести А. Н. Леонтьева, он и не делает такой попытки, возможно, сознавая бессмысленность наделяния субъекта личностными свойствами и качествами. Но все же он использует это понятие, хотя и не как конкретное, а как вполне абстрактное. Разъясняя положение об общественно-исторической сущности личности, он пишет, «что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определен-

ными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений. Иначе говоря, в отличие от индивида, личность человека ни в каком смысле не является предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (Леонтьев, 1983, т. 2, с. 194–195). Значит, личность – не индивид; как минимум, она возникает, порождается (если порождается?) индивидом. Личностью не рождаются! Но что же представляет собой индивид? И здесь оказывается, что: «Понятие „индивид“ выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях жизни» (там же). Индивид, а следовательно, и конкретный субъект – это продукт биологической эволюции. Значит, конкретный субъект – это и особь, и организм, и индивид, и личность. Самое лучшее, что можно с ним сделать, это согласиться с А. Н. Леонтьевым и оставить такого абстрактного субъекта за пределами исследования. Впрочем, он так и поступает с субъектом, а заодно и с индивидом, и ведет речь только о личности. Конечно, А. Н. Леонтьев говорит, что особенности индивида, становящегося в своей деятельности личностью, не уничтожаются, а сохраняются, но именно в качестве его особенностей. Он дает им название «подструктур личности».

В конце концов, А. Н. Леонтьев, как и С. Л. Рубинштейн, выходит за пределы субъект-объектной парадигмы. Он выделяет «три основных параметра личности: широту связей человека с миром, степень их иерархизованности и общую структуру» (там же, с. 225). Под структурой он понимает «относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизованных мотивационных линий» (там же, с. 224). Пафос размышлений А. Н. Леонтьева состоит в том, что личность «выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь» (там же, с. 225). Не буду воспроизводить следующую далее патетику о «баррикадах» и «полях сражений». Как говорил Венечка Ерофеев в книге «Москва–Петушки»: «Покажите мне на Земле уголок, где не всегда есть место подвигу, и я соглашусь жить вечно».

От классиков обратимся к более близкому нам времени. В двухтысячные годы начала выходить многотомная хрестоматия («Общая психология. Тексты»), подготовленная психологами МГУ им. М. В. Ломоносова. К моему большому удивлению (и сожалению!) на каждом томе, кроме вводного, написано: «Субъект деятельности», «Субъект познания» и т. д. Эти броские названия, помимо того что внушают ложные ожидания, к счастью, совсем не соответствуют содержанию данных томов, о чем прямо говорил инициатор и ответственный редактор всего издания В. В. Петухов. Он, действительно, начинал свои размышления даже не с триады, а с тетрады: «субъект–индивид–индивидуальность–личность», и предупреждал, что содержание этих терминов часто пересекается, оказывается размытым. Далее он различает в человеке природного, социального и культурного субъектов.

Затем, после краткого экскурса в проблематику изучения индивида, личности и «Я», разумно отказывается от понятия «субъект» и предлагает другую триаду: «природный организм–социальный индивид–личность». Так мы и будем теперь называть определенных выше субъектов, включает автор (назвать субъекта личностью, действительно, очень легко). Видимо, основанием для отказа от термина «субъект» послужили приводимые автором различия У. Джеймса физического, социального и духовного Я, различие З. Фрейда: «Оно», «Я» и «Сверх-Я», а, возможно, и принятое в теологии трехчастное деление человека, которое нередко распространяется на личность: дух, душа, тело. Сложновато представить себе размышления о трехчастном делении субъекта: он, действительно, физиологических функций не управляет, на «души прекрасные порывы» неспособен, непреклонным духом не обладает. Впрочем, в цитируемой работе В. В. Петухов сам признает, что субъект – это испытуемый в психологической лаборатории, где его изучают и тестируют как чувствующее, реагирующее, запоминающее, думающее устройство. Это означает, что психология имеет дело с субъектом как со своим объектом. Предметом собственных исследований В. В. Петухов избрал личность, подлинную и мнимую, – последняя названа странноватым словом «мничность» (Петухов, 2001, т. 1, с. 274–284). Но в названии хрестоматии «субъект» остался. Зачем же умножать сущности?

Итак, мне не удалось найти в работах С. Л. Рубинштейна и других рассмотренных выше авторов сколько-нибудь содержательных связей между понятиями «субъект» и «личность». Да и само понятие «субъект» используется настолько широко, что его содержание близко к нулю. Почти как в словаре В. Даля: «Субъект – предмет; всякое лицо, вещь, о коих говорится». В. А. Лекторский в статье «Субъект» дает следующее определение: «Субъект (от лат. subjectus – лежащий внизу, находящийся в основе, от sub – под и jactio – бросаю, кладу основание) – носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект» (Философская энциклопедия, 1970). Статья не содержит упоминаний о «психологическом субъекте», о «личности». Нет о них речи и в книге В. А. Лекторского «Субъект, объект, познание» (1980).

М. Хайдеггер говорит, что субъект – это под-лежащее. Значит, он носитель предметно-практической деятельности, то есть в определенном смысле – функция деятельности или познания. И в этом смысле субъект вне своих функций бессодержателен и пуст. Субъект – под деятельностью, а личность – над ней. Субъект – носитель, личность – хозяйин деятельности. Личность может отказаться от одной деятельности, выбрать или построить другую. К этому различению я вернусь ниже.

Как говорилось выше, в использовании понятия «субъект» нет ничего предосудительного. Другое дело – его уместность в том или ином контексте. Г. Г. Шпет, протестовавший против «психологического субъ-

екта», использует понятие «субъект» в философском и эстетическом контекстах, а главное – дает ему вполне содержательную характеристику. В завершающей части книги «Внутренняя форма слова» Шпет, вслед за В. Ф. Гумбольдтом, обращается к анализу поэтического творчества. Он возражает против трактовки законов творчества как законов душевной жизни творческого субъекта. Он также против понимания субъекта творчества как психологического субъекта: поэтика не есть психология поэтического творчества. Она не является естественной функцией человеческого психофизического организма. Депсихологизация творческого субъекта, по мнению Шпета, позволяет объективно оценивать его роль в актах творчества и также объективно анализировать культурно-социальные акты труда и творчества: «Мы имеем дело всякий раз не только с реализацией идеи, но также с объективированием субъективного, а вместе, следовательно, с субъективированием объективного – в каждом произведении поэзии, как и во всех других областях творчества. Таким образом, источник, из которого мы можем почерпнуть знание субъективности, заключается ни в чем ином, как в самом продукте творчества. Нужно найти способы, которыми вскрывалась бы эта субъективность в точном и строгом смысле» (Шпет, 2007, с. 469). В актах творчества субъект выступает как репрезентант, субстрат, «носитель» смысла, идеи, реализатор, агент, в котором они как бы пребывают виртуально. И сам субъект актуален лишь в реализации идеи, становящейся вещью, объектом. Без этого воплощения в культурной реальности субъект лишен своих качеств *sui generis* и принимается как простой объект природы, как задача естественнонаучного изучения (там же, с. 468). Г. Г. Шпет и сам рассматривает субъекта как объект, но объект совершенно специфический, который он называет со-объектом. При этом он ставит задачу путем принципиальной редукции получить чистый не эмпирический предмет исследования. В итоге такой редукции он рассматривает субъекта не как объект вообще, а как субъекта, опосредующего продукт творчества. «Каждый его акт есть, во-первых, его акт, – а не просто интенция в единстве сознания, во-вторых, каждый такой акт, – мы видим как акт, объективирующий субъекта в процессе реализации объективной идеи, и можем легко убедиться, что все (социальное) содержание субъекта исчерпывается совокупностью его объективаций. Пока мы понимаем последние в смысле отвлеченного естествознания, как причинные эффекты, или как рефлексы, реакции, спонтанные психические процессы и т. п., мы не продвигаемся вперед» (там же, с. 475). Автор неоднократно подчеркивает бесперспективность эмпирического, в частности, психологического, рассмотрения поэтического продукта, так как «оно именно субъекта-то не может вскрыть, ибо естественнонаучное изучение принципиально не знает субъекта как субъекта, а знает только объект» (там же, с. 274).

Можно, конечно, возразить Г. Г. Шпету, что психология не естественная, а гуманитарная, даже культурно-историческая, наука, для станов-

ления которой он сам многое сделал. Шпет и сам признает, что в нашем чувстве субъекта, «скрытого» за своей экспрессией, в истолковании этого чувства мы все же под героическим субъектом понимаем не отвлеченный или «средний», безличный, объект индивидуальной или социальной психологии, как, равным образом, и не объект биографии, а живой *hic et nunc* данный творческий пик, в данном (произведении) исчерпывающийся. Как же, например, возможно его представить, мыслить, постигнуть его действительность... Где *persona creans*? Поскольку он не видит других путей к познанию этой субъективности, то предлагает искать их в самом искусстве, внутри него. Когда же речь идет не о безликом субъекте творчества, а об авторе, то Шпет говорит, что его личность выступает как аналог слова. «Личность есть слово и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, оптические, логические и поэтические формы. Последние конструируются как отношения между экспрессивными формами случайных фактов ее поведения и внутренними формами закономерности ее характера» (там же, с. 286). В этом контексте понятны его утверждения, что личность – это предмет интерпретации, понимания. «Тут имеет место „понимание“ совсем особого рода, понимание в своей основе без понимания – симпатическое понимание» (там же, с. 212). Подобная психологическая интерпретация личности не может и не должна сводиться к даже содержательно рассматриваемому субъекту.

Приведу еще одно свидетельство сложности постижения субъекта. М. Фуко так же, как и Г. Г. Шпет, скептически относился к расудочно-отвлеченному призыву: «Познай самого себя». В курсе лекций «Герменевтика субъекта» Фуко рассматривал этот призыв вместе с другим – с призывом «заботиться о себе». Он следующим образом очерчивает замысел своего курса лекций: «Следовательно, нет смысла выстраивать некую непрерывную историю *gnothi seauton*, исходным пунктом которой, тайным или явным, выступала бы какая-то общая, универсально значимая теория субъекта, но, я думаю, надо начинать с аналитики форм рефлексивности, поскольку именно формы рефлексивности конституируют субъекта как такового. Надо, стало быть, начинать с разбора форм рефлексивности, с истории практик, служащих им основанием, чтобы смочь раскрыть смысл – изменчивый, исторический и никак не универсальный – старого традиционного принципа „познай самого себя“. Вот каким был задуман в общих чертах этот курс» (там же, с. 502). Анализ различных форм рефлексивности и, собственно, лежащих в их основании практик – это, видимо, и есть теория культурно-исторической философии, а, возможно, и психологии субъекта, если таковая возможна.

Второй член рассматриваемой нами триады – индивид или, если угодно, индивидуальность – представляет собой и объект, и предмет, и цель бесконечного числа исследований. В. А. Петровский пишет: «Число мыслимых психологических определений этого термина ко-

гда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделаться! Каждый по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает» (Петровский, 2009, с. 201). К этому можно добавить, что психологи, носители тех или иных свойств индивидуальности, например, чувствительности, подвижности, силы и т. п., выдают их за главные. Несмотря на хаос существующих и потенциальных определений индивидуальности, которые фиксирует Петровский, несмотря на множество существующих концепций и моделей индивидуальности, психология знает о ней значительно больше, чем о субъекте и личности. Не только знает, но и кое-что умеет. Во всяком случае, это знание положительное, практически полезное и достаточно широко используемое. Вновь соглашусь с Петровским, что понятия «субъект» и «личность» неконгруэнтны понятию «индивид», что, на мой взгляд, не удивительно. Думаю, что они не конгруэнтны не только в статике, но и в динамике. Так или иначе, многие попытки определить или охарактеризовать личность отталкиваются именно от индивидуальности. Г. Г. Шпет утверждает, что собственная индивидуальность есть личность. Видимо, его слова следует понимать так, что это такая индивидуальность, которой ты овладел. А. А. Ухтомский, ссылаясь на Н. Е. Введенского, называет личность функциональным органом индивида, то есть созданным им новообразованием. Сальвадор Дали говорит, что личность – это избыток (я бы добавил – таинственный) индивидуальности. В свое время П. А. Флоренский ввел тонкое разграничение между индивидом и личностью: «Говорят иногда о „сходстве личностей“, но это – неточное словупотребление, так как на самом-то деле при этом разумеется не сходство личностей, а сходство тех или иных свойств их психофизических механизмов... Личность же, разумеемая в смысле *чистой личности*, есть для каждого Я лишь идеал, – предел стремлений и самопостроения» (Флоренский 1990, т. 1, с. 79). И далее: «Личный характер личности – это живое единство ее само-созидающей *деятельности*, творческое выхождение из ее самозамкнутости, или еще это есть неукладываемость ее ни в какое понятие, поэтому „непонятность“ ее и, следовательно, неприемлемость ее для рационализма. Победа над законом тождества – вот что поднимает личность над безжизненной вещью и делает ее живым центром деятельности. Но понятно, что *деятельность*, по самому существу ее, для рационализма непостижима, ибо деятельность есть *творчество*, то есть прибавление к данности того, что еще не есть данность, и, следовательно, преодоление закона тождества» (там же, с. 80). Не слишком и обескураживающее утверждение для тех, кто изучает деятельность и выводит из нее личность? Флоренский еще более усиливает его, говоря, что личность выходит за пределы всякого понятия, трансцендентна *всякому* понятию: «Можно лишь создать символ коренной характеристики личности, или же *значок*, слово, и, не определяя его, ввести формально в систему других слов, и распорядиться так,

чтобы оно подлежало общим операциям над символами, „как если бы“ было в самом деле знаком понятия. Что же касается содержания этого символа, то оно не может быть рассудочным, но лишь непосредственно переживаемым в опыте само-творчества, в деятельности само-построения личности, в тождестве духовного само-сознания» (там же, с. 83). Выражаясь современным языком, Флоренский утверждает культурно-историческую природу личности, отрывает ее от «хищного гносеологического субъекта» и все же позднее, противореча себе самому, дает ей свое определение. Он рассматривает слова как первичные клетки личности и говорит, что «личность есть не что иное как агрегат слов, синтезированных в слово слов – имя» (Флоренский, 1990, т. 2, с. 271). Это определение соответствует данной им характеристике культуры как среде, растящей и питающей личность.

Напомню, что выше мы уже встречались со шпетовским определением личности как слова. Об этом же много позже писал Э. Левинас: Лицо есть духовная жизнь. Со всеми этими определениями, или характеристиками, личности, конечно, можно согласиться, но тайну личности они не раскрывают, что, может быть, и не так плохо: пределы ее развития, самопостроения, равно как и глубины ее падения, остаются неизвестными. Когда-то Б. Спиноза сказал: то, на что способно человеческое тело, никто не определил. Не определено и то, на что способен человеческий дух и личность. Поэтому трудно возразить А. Ф. Лосеву, писавшему, что «личность» этимологически происходит от слова «лик», а не от «личина» (маска, кукла и пр.), что личность – чудо, миф, единственность, идеал. Синонимом личности является свобода, которая, согласно М. М. Бахтину, неразрывно связана с ответственностью. Он резонно заметил, что личность не нуждается в экстенсивном раскрытии, она проявляет себя в поступке, в жесте, в слове (а может и утаивать себя). В этом смысле личность, действительно, есть чудо, миф, предмет удивления, восхищения, преклонения, зависти, ненависти, предмет непредвзятого, бескорыстного, понимающего проникновения и художественного изображения во всем многообразии индивидуального, культурно-исторического опыта, в том числе опыта не ответного, а ответственного слова и действия-поступка. Одним словом, личность – это человек исторический. Это не приравнивание личности лишь к исторической личности, а лишь указание на то, что феномен личности – довольно поздний результат человеческого развития. Это было убедительно показано В. Н. Топоровым при характеристике образа Энея не только как человека судьбы, но и как личности – человека исторического: «Стоя перед судьбой лицом к лицу (как и перед смертью), Эней выработал новую стратегию поведения, в которой многое, напоминающее традиционные реакции, – не более, чем результат омонимии, более или менее легко снимаемой при учете более широкого и сложного контекста, который для Энея был актуален. Выработав эту новую поведенческую стратегию и органично усвоив ее

себе, сделав ее своей натурой, Эней тем самым сложил и новый свой „психо-ментальный“ тип, обладающий объяснительной силой как в отношении внешних обстоятельств, так и в отношении той модели мира, которая в наибольшей степени адекватна психо-ментальному типу Энея и – шире – „энеевского“ человека, новой стадии в эволюции *homo mediterraneus*, обусловившей многие черты более поздних представителей „европейского человечества“ (Достоевский)» (Топоров, 1993, с. 4).

С тех пор как появился средиземноморский человек – личность, древнее имя которой – герой (В. Иванов), много воды утекло. В 1922 году в очерке «Конец романа» О. Мандельштам писал: «Ясно, что когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, акции личности в истории падают и вместе с ними падают влияние и сила романа, для которого роль личности в истории служит как бы манометром, показывающим давление социальной атмосферы... Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз, и законами их деятельности, как столкновением шаров на бильярдном поле, управляет один принцип: угол падения равен углу отражения <...>. Современный роман сразу лишился и фабулы, то есть действующей в принадлежащей ей времени личности и психологии, так как она не обосновывает уже никаких действий» (Мандельштам, 1987, с. 73–75). Спустя десятилетие, в эпоху террора, сходные мотивы выразил Б. Пастернак: «О личностях не может быть и речи. / На них поставим лучше тут же крест». Спустя еще несколько десятилетий свой прогноз дал И. Бродский: «обновляющийся мир будет менее духовным, более релятивистским, более безличным, я бы сказал, менее человеческим» (Бродский, 2008, с. 28). Не забудем, что настоящий XXI век сменил XX «век-волкодав» 11 сентября 2001 года.

С констатациями и прогнозами поэтов трудно спорить. Их собственная жизнь доказала их правоту. Может быть, психология не заслуживает порицания за то, что она поднимает обезличенного субъекта на недостижимую высоту, а личность опускает до уровня субъекта и таким образом уравнивает их? Может быть, наоборот, она даже заслуживает похвалы за то, что еще не отказалась от попыток понимания личности? Будем оптимистами. В человеке все же есть запас прочности, и эпохи Возрождения время от времени наступают. Поэтому сказанное, конечно, не может служить основанием для отказа от попыток прикоснуться к тайне личности и для недооценки усилий психологов в понимании, изучении, интерпретации личности. В то же время нельзя не признать, что на этом пути мы встречаемся с серьезными трудностями. Например, психологи так и не смогли договориться о главном: что собой представляет ядро личности. Предлагались: иерархия мотивов (А. Н. Леонтьев), переживания и аффекты (Л. С. Выготский и А. В. Запорожец), жизненная позиция, мотивирующие представления (Л. И. Божович), смысловые образования (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник и др.), творчество (В. В. Давыдов) и т. д. В этот же ряд

можно смело поставить свободный ум (А. С. Пушкин) или самостоянье человека (он же). Замечу: человека, а не субъекта! Может быть, сама личность является ядром всего перечисленного и многого не перечисленного? На мой взгляд, была сильно преувеличена роль деятельности в становлении личности, что спровоцировало и непомерно повысило внимание к субъекту. При этом была явно недооценена роль переживаний, на которой настаивали Л. С. Выготский, А. В. Запорожец. Они как бы вторили Г. Г. Шпету, писавшему: «Каждый живой индивид поэтому есть *sui generis* коллектив переживаний, где его личные переживания предопределяются всею массою апперцепции, составляющей коллективность переживаний его рода, то есть как его современников, так и его предков. В целом коллектив переживаний, носимый в себе индивидом, можно обозначить как его духовный уклад» (Шпет, 2006, с. 492). Ведь, в конце концов, наш опыт, сознание и та же личность невозможны вне переживаний. Шпет даже говорил, что философия есть не только знание, но также некоторый тип очень сложного переживания, выходящего за пределы чисто интеллектуальных отношений. К числу таких философских, поэтических, надеюсь, и психологических переживаний относится тоска по личности, послужившая мотивом написания этой статьи.

Завершу этот затянувшийся разговор тем, что очевидной, реальной проблемой психологии является наше среднее звено-индивид, или индивидуальность. От нее возможны два пути: вниз – к субъекту-функции или к коллекции (коллективу) функций, к под-лежащему. И путь вверх – к личности, к коллективу переживаний, к духовности и свободе. К большому сожалению, выбор не всегда за человеком, но и преуменьшать его стремлений к пределу самопостроения не следует.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности. М., 2001.
Бродский И. Книга интервью. М., 2008.
Зинченко В. П. Нужно ли преодолеть постулат непосредственности? // Вопросы психологии. 2009. № 2.
Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2-х тт. М., 1983. Т. 2.
Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987.
Мерлин В. С. Психология индивидуальности. М.–Воронеж, 1996.
Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. М., 1966.
Петровский А. В. Самоосуществление индивидуальности // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под науч. ред. Старовойтенко Е. Б. и Шадрикова В. Д. М., 2009.
Петухов В. В. Понятие личности. Функциональные различия природы и культуры // Общая психология. Тексты. В 3-х тт. Т. 1. Введение. М., 2001.
Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2-х тт. Т. 1. М., 1989.